

Кислотные брызги

Янлин Чун

Янлин хотела после окончания пар в университете пройтись по магазинам, пока Юншэн был занят со своей работой и не мог встретиться с ней. А она чувствовала себя довольно скверно и ей нужно было как-то восстановить свое душевное равновесие. А раз обычно она делала это при помощи траты некой суммы денег, то не стала изменять своей привычке и в этот раз. Янлин не стала звонить в такси, а решила пройтись пешком до ближайшего торгового центра, всего-то пара кварталов, да потом срезать через дворы на соседнюю улицу.

Погода была...ничего так, для осени. Еще не так холодно, как в ноябре, но уже и не тепло, как в сентябре, но хотя бы не было дождя, что Янлин особенно радовало, потому что она забыла зонт. Она шла по широкой улице, любуясь собой в витринах магазинов и слушая музыку, которая лилась из наушников, и чувствовала, что настроение потихоньку выправляется. Зашла по дороге в Старбакс и купила кофе с собой - любимый ореховый латте - и почувствовала себя еще лучше. Все складывалось очень неплохо. Сейчас она купит себе новые джинсы или осенние сапожки, пару длинных перчаток и может быть новый свитшот.

Янлин свернула с широкой улицы в тоннель-арку между домами. Навстречу ей шел какой-то человек в низко надвинутом на лицо капюшоне. Янлин успела подумать о том, что на нем надет совершенно бесформенный ужасный худи явно на пару размеров больше, когда человек, приблизившись, вдруг сделал резкое движение рукой в ее сторону. Янлин вздрогнула, инстинктивно хотела зажмуриться, но почувствовала, как лицо обожгло сильной, практически что невыносимой болью. Она вскрикнула, схватилась за лицо руками и тут же отдернула их, потому что кончики пальцев тут же защипало. Боль была такой сильной, что Янлин показалось, что она ослепла. Она сделала несколько шагов вперед, наткнулась на стену и осела под ней. Она попыталась стереть что-то с лица рукавом пуловера, но застонала от боли, едва прикоснувшись к коже.

Нужно было кому-то позвонить. Янлин с трудом дрожащими пальцами, которые совершенно не гнулись и не слушались, плача от боли, зажала голосовой набор на кнопке наушников и велела Сири набрать номер Юншэна.

Юншэн Лю

В планах о переезде Юншэна в Пекин стали намечаться явные подвижки. Отец все же согласился открыть офис продаж в городе, и даже согласился на то, чтобы Юншэн этим офисом руководил. На три месяца сняли квартиру за счет компании при условии, что дальше Юншэн либо платил за неё сам, либо возвращался в Лхасу. С самого утра было много беготни, потому что помещение под офис уже было выбрано, и нужно было подписать договор и решить вопросы со связью, ремонтом и мебелью. Юншэн планировал освободиться к вечеру, чтобы встретиться с Янлин и рассказать ей о новостях.

У него было много планов. Он хотел заранее все подготовить, нанять пару

продавцов, распечатать достаточно каталогов и хорошо оформить офис, а заодно и подготовить материалы для сайта компании об открытии пекинского офиса. Стоило бы еще провести какое-то мероприятие для клиентов, но там нужно было попросить о помощи отца.

Юншэн подписал накладные на стройматериалы и договаривался с бригадиром строителей, когда у него зазвонил телефон. Это была Янлин, поэтому он ответил сразу.

- Да, привет, - произнес Юншэн, жестом извинился перед строителем и вышел из офиса на улицу.

Янлин Чун

Юншэн ответил сразу, словно ждал ее звонка.

- Юншэн, - губы жгло, и они плохо двигались, отчего слова получались какие-то скомканные. Янлин облизнула их, что вызвало у нее новую вспышку боли. Как будто от сильного, очень сильного ожога. И глаза саднило так, что немного легче было держать их закрытыми, потому что свет, даже тот малейший, что был в полутемной арке, причинял ужасную боль. - Мне что-то плеснули в лицо, очень больно. Я ничего не вижу.

От этого становилось страшно. Снова в голове пронеслись слишком свежие картинки, как она не могла вдохнуть, задыхаясь после кетамина, и Янлин показалось, что грудную клетку снова сдавило. Она судорожно вдохнула, почувствовав, что дышать все-таки может, но это ее не успокоило, потому что глаза все еще болели, болели очень сильно, а попытки их открыть приводили к тому, что она со стоном закрывала их обратно, потому что это было невыносимой пыткой.

Не плакать не получалось, но Янлин чувствовала, как слезы жгут и без того чувствительную кожу, и боялась себе представить, что творится с ее лицом, что она испытывает такую боль. Если бы она могла его ощупать, это бы немного прояснило ситуацию, но ей казалось, что с кончиками пальцев, которыми она сначала схватилась за щеки, происходило в точности то же самое.

Юншэн Лю

Юншэн с трудом разобрал, что говорила Янлин, но этого было достаточно, чтобы он принялся ловить по счастливой случайности свободное проезжавшее мимо такси.

- Скажи, где ты находишься? - спросил Юншэн. - С тобой рядом есть кто-нибудь? Не трогай лицо руками, если кто-то есть рядом, пусть купят простую воду и промоют ожоги, но ничем не трогай лицо, только водой поливать можно. Слышишь меня?

Он вспоминал все, что учил о заживлении ран. Ожоги кислотой были опасными, особенно если обожжены глаза. Янлин нужно было срочно оказывать помощь, но прохожие в Пекине не любили вызывать скорую, чтобы их не заставили за это платить.

- Янлин, я сейчас приеду, только объясни, где тебя искать, - повторил Юншэн.

Отца не было в городе, а его помощь сейчас была бы неоценима. Юншэн не был уверен, что его собственных знаний хватит, если ожоги серьезные, и тогда Янлин лучше было везти в клинику, где есть врачи, медикаменты и оборудование. И обезболивающие, ожоги - это жутко больно.

Янлин Чун

Янлин назвала адрес, где находилась. Она не раз ходила через этот двор, потому что после того, как она начала учиться в университете, плохое настроение преследовало ее почти постоянно после напряженных пар, и хорошо знала эти улицы.

- Там есть такая арка между домами. Я не вижу, но, кажется, тут никого больше нет. Не слышно шагов, - добавила она, пытаясь прислушаться к окружению, чтобы понять наверняка, идет кто-то мимо или нет. Но, как она и сказала, вокруг никого не было, даже не к кому обратиться за помощью, и никто не знает, что она здесь и ей очень-очень плохо, больно и страшно.

- Я уже схватилась руками, пальцы тоже болят и не слушаются, - пожаловалась она. Кто же знал, что нельзя трогать, она же просто хотела стереть это с лица, а теперь у нее еще и кончики пальцем жжет, так что она не может держать телефон. Янлин всхлипнула. Ей представлялись всякие ужасы - как с лица слезает кожа и мясо, обнажая кости, и ужасно сильно хотелось потрогать скулы, вдруг и правда там уже голая кость, и от этих картин ей стало плохо и даже затошнило.

- Приезжай, пожалуйста, - жалко проговорила она в трубку. Почему это все происходит с ней. Она никому ничего плохого не сделала, на просто шла в торговый центр, почему все так получилось?

Юншэн Лю

Юншэн назвал таксисту адрес, ехать было недалеко, но все равно хотелось бы, чтобы рядом с Янлин уже был кто-то, кто мог бы ей помочь. Она говорила с трудом, это могло означать, что у неё были обожжены губы, и как бы она еще не вдохнула то, чем в неё брызнули.

- Я скоро буду, я уже еду, Янлин, - сказал Юншэн. - Тогда и руками ничего не касайся, иначе может стать хуже.

Таксист свернул в переулок, затем остановился неподалеку от арки, потому что ближе подъехать не мог. Юншэн заметил в салоне бутылку с водой, и, заплатив за поездку двойную цену, забрал эту воду и вышел из машины, чтобы искать Янлин.

Девушка сидела у стены, кожа на её лице как будто закипала от сильного химического ожога, и Юншэн поначалу просто испугался от такого зрелища. Но он должен был взять себя в руки, чтобы ей помочь.

- Янлин, я тут, - сказал он. - Я сейчас промою ожоги водой, не бойся.

Он полил лицо, особенно глаза, водой, которая была в бутылке, хотя этого было

недостаточно, чтобы нормально очистить рану. Да и времени прошло достаточно много, кислота успела сильно разъесть ткани. Юншэн отбросил в сторону пустую бутылку и задержал ладонь напротив лба девушки, чтобы направить на область Аджны синюю обезболивающую энергию. От таких ран боль должна была быть чудовищной.

- Тебе нужно к врачу, - сказал Юншэн. - Отца нет в городе, нужно обработать раны. Сифу Грей сейчас в Пекине?

Янлин Чун

Янлин прижалась спиной к стене. Она все равно ничего не видела, да и не могла ничего касаться обожженными пальцами, поэтому просто сидела и ждала Юншэна, считая про себя, потому что это немного отвлекало от нестерпимой боли, с которой она все равно ничего не могла поделать. Она прислушивалась, вдруг кто-то пойдет мимо, но в переулке все еще было пусто. Неужели никто здесь не ходит?

- Юншэн, - Янлин обратила незрячие глаза к парню, силясь его рассмотреть, но с тем же успехом она могла смотреть закрытыми глазами. На лицо полилась вода, и сначала это было неприятно, что Янлин вздрогнула, даже будучи предупрежденной, но потом поняла, что вода приносит успокоение разгоряченной коже. А потом боль стала понемногу уходить, как будто лицо замораживали, как при обезболивании у стоматолога.

- Она...она в клинике. Понимаешь...- Янлин не была уверена, что она имеет право говорить об этом вслух, потому что мама старалась не распространяться сама и держала все в тайне. - Она не может. Она...ну, беременна и сейчас в клинике.

Уж лучше сказать так, чем Юншэну придется гадать, почему мама не может помочь. И, предупреждая следующий вопрос, сразу ответила:

- Тео пропал. Его ищут. Папа считает, что это Асака.

Это было очень страшно. Янлин старалась делать вид, что ничего не произошло, но все равно беспокоилась за брата. Они же все-таки одна семья.

Юншэн Лю

Юншэн не слышал новостей о сифу Грей и Тео, а теперь почувствовал, как весь груз ответственности за случившееся с Янлин обрушилось на него. Он даже не был уверен, что в клинике ей будет безопасно, раз Асака подобрался так близко. Еще неизвестно, кто облил кислотой лицо Янлин, хотя тут Юншэн скорее подозревал её прошлую соперницу из школы, чем японского авторитета.

Глаза Янлин были закрыты пленкой из обожженной кожи. Это было страшное зрелище, но Юншэн сосредоточился на ауре, чтобы понять, были ли повреждены глаза. Он видел темно-синее свечение в области глазниц, а затем ша-ци и всполохи боли на поверхности. Была повреждена кожа век и верхний слой роговицы, если он понимал правильно то, что видел. Раньше нужно было учить врачевание.

- Как ты считаешь, тебе безопасно сейчас ехать в клинику? - спросил Юншэн.

Он поднес вторую руку к более поврежденному глазу девушки и задержал кончики пальцев в цуне от поврежденных тканей. Юншэн направил энергию желтого цвета, чтобы она восстановила хотя бы кожу век, затем проделал то же самое со вторым глазом и стряхнул ша-ци. Он понимал, что ему сейчас не хватит сил, чтобы залечить такие ожоги. Для этого понадобится не один день.

- Посмотри на меня, видишь что-нибудь? - спросил Юншэн.

Янлин Чун

- Мне кажется да, там же мама. Если бы было опасно, папа бы ее забрал и велел врачам наблюдать за ней у Ч...нас дома, - наверное, не надо говорить о Чжу сяншене. Янлин не знала, насколько Юншэн в курсе всего, что происходит в Пекине и кто тут делит власть, хотя его папа вроде бы все знал. Тай даже учил Юншэна стрелять, но все равно.

Янлин замолчала, потому что говорить было уже не больно, но неприятно - кожа натягивалась, как будто какая-то ткань поверх лица, и это было не очень здорово. И собственные слова получались невнятными, какими-то жеваными, глухими, некрасивыми. Она не понимала, что Юншэн делает, и плохо чувствовала что-либо, но ей все равно не оставалось ничего, кроме как сидеть и ждать, что он сделает хоть что-нибудь.

- Плохо, - Янлин присмотрелась, потому что через мутную черную пелену начали проступать какие-то нечеткие очертания. - Все такое нечеткое, как сильно размазанное, - ей до ужаса сильно хотелось ощупать лицо руками, чтобы оценит, насколько все плохо, но пальцы не слушались, и Янлин боялась, что ей опять станет больно от собственных прикосновений. - Но там что-то светлое, справа.

Она сейчас не понимала, где что находится, но она вроде пришла оттуда, справа. Значит ли это, что она различает свет?

- Там все очень плохо? Я уродина, да? - упавшим голосом спросила Янлин, в равной степени и ожидая и боясь ответа.

Юншэн Лю

- Давай вызовем скорую из клиники, - предложил Юншэн. - Они отвезут тебя в больницу, тебе смогут обработать раны и посмотреть глаза. А я буду приезжать, чтобы лечить ожоги, и они прошли быстрее.

Его не столько пугали сами раны, сколько необходимость все время снимать боль. У него просто не хватило бы на это сил, Янлин нужна была помощь врачей и специальные препараты. Так можно было справиться за считанные дни, и Юншэн понимал, что ткани можно заживить так, что не останется даже рубцов.

- У тебя обожжена рогавица, она заживет, и зрение восстановится. Я не могу сейчас нормально залечить ткани, я трачу энергию на то, чтобы ты не чувствовала боль, - объяснил Юншэн. - У тебя сильно обожжено лицо. Но оно заживет. Раньше, чем отрастут брови и ресницы. Я не думаю о том, уродливо ли это выглядит, я

переживаю, что тебе больно. Если я отпущу энергию, эта боль снова вернется. Я не представляю, как ты дождалась и не потеряла сознание.

Янлин очень гордилась своей внешностью, и эта месть со стороны кого-то из её врагов должна была оказаться самым жестоким испытанием. Юншэн понимал, что без помощи врачевания такие раны оставят глубокие следы, и даже пластические операции не смогут все нормально восстановить.

- В клинике тебе скажут, что останутся шрамы, - предупредил Юншэн. - Это не так, с помощью магии раны заживут без шрамов.

Янлин Чун

Янлин совсем не хотела ехать в клинику. Потому что там на нее будут смотреть, кто-то с жалостью, кто-то с любопытством, а она не была обезьяной в клетке, чтобы на нее так смотрели. Ну и сама атмосфера больницы ее угнетала. И она хотела уже отказаться, сказать, что Юншэн и сам ведь хорошо справляется, как он не дал ей ничего возразить, и Янлин поняла, что он не сможет залечить ее лицо и глаза. Что ей придется ехать в клинику.

- Хорошо... - Янлин уставилась в пространство перед собой, где, как ей показалось, был Юншэн. Во всяком случае именно там она видела какое-то темное пятно по форме похожее на человеческую фигуру. - Только ты поедешь со мной сейчас?

Раньше Янлин думала, что мало чего боится, ну, пауки, крысы и прочие эти твари не в счет, потому что их много кто боится, и это нормально, это ведь такая гадость, а сейчас ей было страшно. Также страшно, как и тогда, когда она не могла дышать, потому что там она могла умереть, а сейчас она понимала, что у нее вместо лица - месиво. Юншэн говорил, что все восстановится, не останется даже шрамов, но пока это было месиво, и воображение рисовало ей отвратительные картины слезающих с лица струйев кожи в подтеках крови и сукровицы.

- Позвони моему папе, пусть он тоже приедет, - попросила она, протягивая ему телефон, который держала неловко, не касаясь кончиками пальцев.

Юншэн Лю

- Я поеду с тобой, - сказал Юншэн. Он взял из рук Янлин телефон, который ей было неудобно держать, но набрал номер Чуна сяншена со своего. - Сейчас я позвоню твоему папе, потом поедem в клинику.

В трубке раздались длинные гудки. Юншэн держал одну руку у лица Янлин, продолжая заглушать боль синей ци, хотя запястье уже сводило. Он не думал, что на снятие боли может уходить так много ци.

- Чун сяншен, здравствуйте, это Лю Юншэн, - произнес он, как только услышал голос в трубке. - На Янлин напали, облили лицо кислотой. Я сейчас с ней. Нет, она мне позвонила, и я приехал. Её нужно везти в клинику. Да, - он назвал адрес. - Хорошо, тогда мы ждем вас.

Он убрал оба телефона в карман пиджака, затем сменил руку, которой работал с

энергией, и стряхнул ша-ци.

- Твой папа скоро приедет и сам отвезет нас в клинику, - сказал Юншэн. - Ожоги только на лице и руках?

Брызги могли попасть на шею или грудь, но Юншэну было сложно удерживать концентрацию на ауре Янлин и искать другие раны, если они были.

Янлин Чун

Янлин продолжала сидеть на месте, опасаясь, что если куда-то отлипнет от своей стены, то наткнется или на Юншэна или на что-то еще, споткнется об свою сумку, которую уронила, когда на нее плеснули кислотой, и больше всего она боялась наткнуться пальцами на другую стену, потому что руки болели, хотя лицо вроде нет. Но над лицом, кажется, колдовал Юншэн. Лишиться зрения было ужасно. Ее словно поместили в какую-то темную комнату, из которой ей не выбраться, и страшнее было то, что зрение могло не вернуться скоро. или вообще не вернуться. Или эти шрамы, которые наверняка останутся на лице... Что ей делать с этими шрамами? Сколько времени может понадобиться, чтобы они зажили? А пока ходить такой уродиной?

Янлин снова почувствовала, что из глаз текут слезы, особенно когда Юншэн сказал, что папа скоро приедет. Ей очень сильно захотелось, чтобы он ее обнял и сказал, что все будет хорошо, потому что было очень страшно. Она не рассказывала родителям про случай с вечеринкой, но теперь наверняка придется, а Янлин очень хотелось этого избежать.

- Вроде да, у меня куртка кожаная, может на нее и попало что, я не знаю, - ответила Янлин, но она не чувствовала, чтобы у нее болело что-то кроме лица и рук. Хоть где-то хорошо, если бы обожгло еще и шею, ей тогда вообще незачем жить. Она прекратилась в уродину без лица, да еще и к тому же слепую. Янлин в бессилии скрипнула зубами и закрыла глаза.

Юншэн Лю

Юншэн все-таки окинул Янлин взглядом, но не увидел повреждений на шее, только несколько небольших следов от кислоты на куртке. Он подумал, что зря вылил воду, промывая раны, больше толку было бы работать с её помощью, убирая ша-ци. Юншэн снова направил немного желтой, а затем синей энергии на глаза Янлин, сейчас его больше всего беспокоило её зрение.

- Скажи, если начнешь что-то видеть, - попросил он девушку. - Сейчас будут заживать ткани на глазах.

Он ждал, когда приедет Чун сяншен, чтобы быстрее везти Янлин в клинику. Там ей должны были оказать помощь, нормально обработать раны, дать воду или поставить капельницу, потому что площадь ожога была большой, это уже ухудшало состояние. И дать нормальное обезболивающее, а лучше вместе со снотворным. Юншэн вспомнил о недавнем отравлении и задумался.

- Врачам в клинике лучше будет рассказать про кетамин, - сказал он. - Что тебе его

нельзя.

Иначе это создавало риск новых приступов удушья.

Янлин Чун

Она осторожно кивнула, давая понять, что скажет, если что-то почувствует, но сначала ничего не менялось, и Янлин начала нервничать, думая, что у Юншэна ничего не получается. Кожу холодило, иногда создавалось впечатление что под ней что-то шевелится, что наводило на мысли о каких-то мерзких насекомых, но постепенно ей стало казаться, что свет справа становится немного ярче, а очень сильно расплывчатый силуэт парня перед ней - четче, чем раньше, но теперь начинало казаться, что в глаза будто налили мыла и он "замылился", потому что детали и подробности внешности все равно оставались не видны. Пятно света справа действовало так, словно светили прямо в глаза мощным фонарем, и хотелось отвернуться от этого неприятного ощущения.

- Мне свет режет, - пожаловалась она Юншэну. - А так немного все лучше видно, но из-за света все равно что нет.

Ей очень не хотелось рассказывать кому-то про опыт с кетаминном, потому что он был очень печальным. Но и не хотелось в очередной раз ощутить удушье и нехватку воздуха, как будто ей и без того не так плохо. Янлин, какой бы глупой ни была, понимала, что от врачей это нельзя скрывать. Или они выяснят это сами, или станет еще хуже, одно из двух. Может, удастся скрыть от папы... Скорее бы он приехал.

Мао Чун

Кот уже боялся подходить к телефону, когда за считанные дни навалилось столько всего. Кошка была в больнице, потому что новая беременность давалась ей очень тяжело, и ей не нужно было волноваться. На фоне этого пропал Тео, и Гунмао никак не мог почувствовать, что с ним случилось, даже просто, жив он или нет. Он надеялся услышать, что нашли и живым, но очень боялся плохих новостей. В городе появлялось все больше следов Асаки, а после звонка Юншэна Кот уже не знал, как и на что реагировать. Он просто сорвался из офиса и уже через несколько минут был там, где напали на Янлин. Ему доводилось пережить ожоги от извести, когда он лишь чудом не ослеп, и сейчас он хорошо понимал ту боль, которую испытывала его дочь. Гунмао был за рулем сам, он даже не брал с собой охрану. Он припарковался недалеко от нужной подворотни и вышел из машины. Янлин он заметил сразу. Она сидела на земле, рядом возился Юншэн, а её лицо было одной страшной сочащейся раной.

- Янлин, - позвал Гунмао и подошел ближе. - Я приехал, сейчас отвезу вас в клинику. Как твои глаза, ты что-нибудь видишь?

Этот вопрос сейчас был для него главным. Янлин была красавицей и всегда этим гордилась, но Гунмао считал, что найдет способ ей помочь с ожогами. Лишь бы только она могла видеть.

Юншэн Лю

Руки болели все сильнее. Юншэн надеялся, что ему хватит сил донести девушку до клиники, снимая боль от ожогов по дороге. Подъехал Чун сяншен, и Юншэн лишь мельком на него обернулся и кивнул.

- Глаза повреждены, но полностью заживут, - сказал он. - Сейчас Янлин больно смотреть на свет, ей нужны темные очки. Нам нужно быстрее ехать, пока мне хватает энергии, чтобы снять боль.

Юншэн очень аккуратно поднял Янлин на руки, стараясь, чтобы она не касалась его поврежденными руками и перехватил её так, чтобы можно было дальше держать правую ладонь у её лица, направляя синюю энергию. Это было довольно сложно, но Юншэн представлял, насколько сильной была боль от таких ран еще и на такой площади. Поврежденная кожа была ярко-красной и сочилась кровью и сукровицей. Стоило хотя бы собрать волосы, чтобы они не попадали в рану от ветра. Юншэн очень хотел бы, чтобы рядом оказался еще кто-то, кто знал врачевание, тогда можно было бы помочь Янлин намного быстрее. Но на помощь Тео и сифу Грей рассчитывать не приходилось.

Янлин Чун

- Папа, - Янлин обернулась на голос отца и протянула к нему руки, забыв, что кончики пальцев обожжены. Какой бы смелой, самостоятельной и взрослой она не хотела казаться, она всегда в большей мере была папиной дочкой, и сейчас не знала ни одного более безопасного места, чем его руки. Папа все решит. Он отвезет ее в клинику, где ей помогут. - Немного вижу твой силуэт. Но от света неприятно, хочется глаза закрыть.

Ей не было больно, как было в первые минуты, когда ей обожгли лицо, потому что Юншэн снимал боль. А сама Янлин еще не до конца осознала то, что с ней произошло. Она понимала, что вместо лица у нее сейчас одна сплошная рана, но это было скорее каким-то тупым признанием очевидного, когда вся степень произошедшего пока не признается. Она не могла ощупать или осмотреть свое лицо в зеркале, потому что ничего не видела, и поэтому не могла себе представить весь масштаб повреждений. Ей одновременно и хотелось увидеть, что там, и не хотелось, потому что было страшно, что ее догадки подтвердятся. Вдруг там и правда видно даже кости?

- Я уродина? Скажи честно, я страшная, да? - снова потребовала она, только теперь уже у папы, поворачивая к нему обезображенное лицо. Кто-то, кажется, все-таки Юншэн, поднял ее на руки, хотя она могла идти сама, если ее бы кто-то вел, но, конечно, она не стала протестовать проехаться на чьей-то шее.

Мао Чун

Кот погладил Янлин по голове, затем помог Юншэну, когда тот удобнее укладывал её у себя на руках. Его немного успокоило, что зрение восстановится, хотя ему было невыносимо больно видеть дочь в таком виде. Он хотел лично найти тех, кто это сделал, и отомстить, чтобы никому больше подобное не пришло в голову.

- Янлин, мне один раз обожгли лицо известью, насколько знаю, было еще хуже, но в итоге зажило, - сказал Гунмао. - Но я тогда еще и ничего не видел. Это пройдет.

Сейчас рана большая, но все заживет.

Дети почти ничего не знали о том случае с известью. Тогда лишь немногие были в курсе всех подробностей, и Кот подозревал, что Ян сыну тоже не рассказывал о том, как возвращал зрение. Гунмао предпочел бы и не ворошить те воспоминания, потому что ему было стыдно за собственное поведение, но сейчас он считал, что Янлин лучше было узнать, что такие раны могут заживать без следов. Сейчас она могла вспомнить разве что то время, пока он ходил без ресниц и бровей.

- Юншэн, поехали, - сказал Кот и открыл дверь джипа, чтобы парню было удобнее усадить в машину Янлин.

Юншэн Лю

Юншэн усадил Янлин в машину на заднее сиденье и сел рядом с ней. Он не слышал о том, что Чун сяншен обжигался известью, но у него не было причин в это не верить. Такие раны можно было вылечить с помощью энергии без следов. Отец бы уже вылечил, только его не было рядом. А Юншэн пока мог только снимать боль, чтобы Янлин доехала до клиники. И то чувствовал, как копиться в руках ша-ци, уже расползаясь по всему телу.

Янлин на этот раз стала расспрашивать Чуна сяншена о том, уродливо ли выглядели ожоги. Юншэн не знал, кем нужно было быть, чтобы в той ситуации оценивать её внешность, он был уверен, что у отца Янлин голова забита совсем другими вещами. Страшными были её раны, а не она сама. И для Юншэна страшными из-за того, что он понимал, что такие поражения - это больно, есть опасность заражения, есть опасность обезвоживания, а то и шока, и что если состояние девушки резко ухудшится, сейчас ему не хватит энергии на что-то серьезное. Но он не знал, как это её объяснить, и стоило ли говорить о таких вещах вслух.

- Чун сяншен, у вас есть вода в машине? - спросил Юншэн.

Янлин Чун

Никто не мог сказать ей конкретно, и Янлин чувствовала себя от этого еще хуже, потому что у нее складывалось впечатление, что они ее жалеют и не хотят, чтобы она расстраивалась. А, значит, там и правда все очень плохо, настолько, что об этом даже не говорят вслух. Для Янлин это было ударом ниже пояса.

Она всегда гордилась своей красотой, считая природные данные лишь только половиной своей красоты, ведь за природными данными нужно было тщательно ухаживать, чтобы преимущества со временем не превратились в недостатки. А теперь, выходит, все зря, все эти маски, лосьоны, тоники, патчи под глаза и крема, потому что все равно лица у нее больше нет. Сейчас ей было сложно поверить, что ее лицо заживет, потому что Юншэн не мог залечить его сразу, мама была в клинике и не станет рисковать нерожденным ребенком, а Тео...Янлин содрогнулась, потому что неизвестно, жив ли Тео вообще. Он бы помог, если бы был рядом, он всегда помогает.

- Юншэн? - тревожно спросила она, при привычке ища его взглядом, но тут же

зажмурилась, потому что свет ударил по чувствительным глазам. - Ты только меня за руку держи?

От бессилия Янлин хотела плакать. Ей было ужасно страшно, потому что эта темнота перед глазами была все равно что неизвестность, что будет с ее лицом и ее глазами. Папе легко говорить, он же не восемнадцатилетняя девушка, ему внешность не так важна, как ей...

Мао Чун

Кот поискал вокруг себя, но воды не нашел. Вспомнил, что утром сорок девятый выкинул пустую бутылку, а новую никто не купил. Как назло, обычно в салоне всегда была вода.

- Нет, Юншэн, - ответил Гунмао. - Мы скоро приедем. Но ты скажи, если нужно остановиться и купить.

Он выехал из переулка и разогнался по проспекту, игнорируя правила везде, где можно и нельзя. Нужно было быстрее доехать до клиники, и Кот достал телефон, чтобы позвонить Эскулапу и его предупредить.

- Привет, на Янлин напали, облили кислотой. Мы будем минут через десять-пятнадцать, - сказал он Живодеру. - Да, сильно, но глаза немного видят. Давай, до встречи.

Кот обогнал еле тащившийся микроавтобус и свернул в переулок, чтобы объехать очередную непролазную пробку. Он хотел закурить, чтобы справиться с нервами, но решил, что Янлин от этого может стать еще хуже.

Юншэн Лю

- Я здесь, - ответил девушке Юншэн и положил свободную руку её на запястье, стараясь не касаться обожженных пальцев. - Не бойся, скоро мы будем в клинике, я буду рядом.

Вода бы здорово помогла ему с энергией, которой было уже очень мало, но Юншэн считал, что лучше не тратить время на магазины, правильнее было быстрее привезти девушку в клинику, нигде не останавливаясь. Десять-пятнадцать минут - это уже не так много. А там их сразу встретят, там ей уже помогут. Юншэн рассчитывал, что после того, как восстановит силы, начнет заживлять раны на руках и лице девушки, когда она будет под наблюдением в клинике.

- Лучше не будем останавливаться, - сказал он Чуну сяншену. - Янлин может стать хуже, площадь ожога большая, ей лучше быстрее оказаться в клинике.

Вряд ли Чун сяншен многое знал о том, как работало врачевание, и Юншэн считал, что стоило его предупреждать о том, где заканчивался лимит доступных чудес, чтобы Янлин не пострадала еще сильнее.

Янлин Чун

Она не могла не бояться сейчас, когда все было так непонятно. На нее напали, это ведь не было случайностью. Облили лицо, из-за чего она не может видеть нормально, а лица попросту теперь нет. Ей может даже стать хуже, если они слишком долго будут ехать, а Янлин не знала, как станет еще хуже, чем сейчас. Разве вообще может быть что-то хуже, чем когда тебе лицо поливают кислотой, что разъедает все ткани и выедает глаза?

- Я не хочу, чтобы на меня смотрели, - выдавила Янлин, когда поняла, что когда ее привезут, на нее будут пялиться все, кому только не лень, а она даже не поймет сразу, смотрят или нет, потому что сама-то ничего не видит. Можно было бы на этом успокоиться, но Янлин скорее была согласна умереть, чем показаться на людях такой страхолюдиной. - Не хочу, чтобы видели...такой.

Она уже и в клинику передумала ехать. Она сама не знала, чего ей хочется больше, чтобы ее просто не трогали, или чтобы наоборот, помогли, а еще лучше - сделали все как раньше прямо вот сейчас, в ближайшие полчаса. Но это было практически невыполнимо. Да нет, не практически, а точно невыполнимо.

Она боялась всех медицинских манипуляций, а от забора крови ее начинало трясти еще даже в коридоре.

- Что они со мной будут делать? - в панике спросила она, желая заранее знать, к чему готовиться. Может еще не поздно отказаться и не ехать в клинику. Пусть как-нибудь само...

Мао Чун

- Янлин, это их работа, они много что видят, - сказал Гунмао. - И это никого из них не смущает.

Ему её желание не показываться на глаза врачам казалось абсурдным. Они могли ей помочь, Юншэн - не Ян, он сам не справится, иначе сказал бы об этом, а не спешил попасть в клинику. Кот и так понял, что тот старался не пугать Янлин прогнозами, но сам сидел зеленый и что-то делал из последних сил. Похожим образом выглядела Кошка, когда вытащила Чжоу с того света.

- Тебе нужно ехать в клинику, но я тебя оттуда заберу, как только разрешат, договорились? - спросил Кот.

Он еще надеялся, что слухи о нападении на Янлин не дойдут до находившейся в той же клинике Цириллы, которой и так нельзя было волноваться. Она могла попытаться помочь Янлин, но при этом навредить себе, а ей нужно было отдыхать, лежать и восстанавливать силы. И без того было непонятно, что ей говорить о Тео, когда все сбились с ног его искать, а новостей все не было.

Юншэн Лю

Юншэн не мог самостоятельно помочь Янлин. Через несколько минут к ней могла вернуться боль, потому что он уже с трудом гасил красные всполохи в её ауре с помощью синей ци.

- В клинике промоют раны и закроют их повязками, - сказал Юншэн. - Дадут тебе обезболивающее. Может поставят капельницу, потому что при ожогах испаряется много жидкости. Может, вколют что-нибудь, чтобы ты могла поспать, пока тебе будут оказывать помощь.

Он плохо знал, что именно должны были делать в клинике, понимал лишь принципы, которыми руководствовался бы сам, если бы хватало энергии. Восстановить баланс оранжевой ци, пока не начались сбои на уровне Сваттхистханы, а она уже светилось намного бледнее, чем было бы нормально. Снять боль, закрыть раны от загрязнения, а затем залечивать их, пока кожа не восстановится полностью.

Юншэн все-таки стряхнул ша-ци с руки, на пару секунд перестав работать с энергией, потому что очень сильно свело запястье, но сразу снова направил на лицо Янлин энергию, снимавшую боль.

Янлин Чун

Янлин вообще было не до тех, кто там работал и что видел, потому что на этот раз смотреть должны были на нее, а ей было противно от одной мысли, что все будут на нее пялиться, как на какую-то...какое-то чудище из комнаты уродов. Только никто этого не понимал, ни папа, ни Юншэн, и Янлин чувствовала себя ужасно одинокой. Она даже не могла сжать пальцы на руке Юншэна, потому что они не двигались и болели. А от боли еще и дрожали.

Юншэн начал рассказывать, что именно будут делать, и Янлин стало нехорошо на словах о капельнице, что если бы она могла поменять цвет лица, то стала бы нежно-салатовой от подступившей к горлу тошноты. Она не чувствовала себя уставшей, но поняла, что не против и правда просто отключиться, чтобы проснуться, когда все это закончится. И она помнила о том, что надо будет сказать о кетамине, хотя сейчас то, что она все еще об этом помнила, было скорее исключением из правил, потому что обычно за нее всегда кто-то думал, а она оставалась самой красивой и нежной. Теперь нет, она уже не самая красивая. В конкурсе на самое уродливое лицо она бы точно завоевала первый приз.

- Хорошо, - дрожащим голосом ответила она папе, когда он пообещал сразу же, как можно будет, забрать ее домой. - Ты будешь ко мне приезжать? Каждый день? А ты, Юншэн? - да, сейчас ей надо было услышать это еще сто раз, чтобы точно успокоиться, что ее не оставят одну наедине с врачами.

Мао Чун

Кот отметил, что Юншэн почти успешно находил подход к Янлин, когда пытался её успокоить. Сейчас ему можно было доверять, он старался ей помочь, а не спешил сбежать.

- Буду, каждый день, - терпеливо ответил Кот.

Он и так каждый день бывал в клинике, навещая Цириллу, несмотря на то, что сбился с ног в поисках Тео. О себе можно было подумать позже, когда удастся решить все те проблемы, что грозили захлестнуть с головой.

Кот заехал на парковку клиники, но затем подъехал ближе к дверям приемного отделения, где обычно оставались скорые. Там их уже ждали санитары с каталкой, Син и пара врачей в форме клиники. Гунмао вышел из машины и открыл дверь для Янлин.

- Кладите гунъян на каталку, - сказал Син. - Кысь, как давно получена травма?

- Гунъян, как вас зовут? - спросил один из врачей. - Я - Цинь дайфу, буду вашим лечащим врачом. Что вы видите?

Юншэн Лю

- Конечно буду, - ответил Юншэн. - Каждый день.

Они все-таки подъехали к клинике, где уже встречали врачи. Юншэн вышел из машины и положил Янлин на каталку, хотя она могла ходить или хотя бы сидеть. Он снова сжал её руку возле запястья, чтобы она знала, что он был рядом.

- Минут сорок назад, - ответил Юншэн. - Ожоги на лице и на пальцах рук.

Он взглянул на Чуна сяншена, потому что не знал, о чем можно было говорить, а о чем - нельзя, но руку от лица пришлось убрать, потому что Янлин уже окружили врачи. Юншэн нервно прикусил губу, понимая, что сейчас вернется боль.

- Отойдите, пожалуйста, - сказал ему второй врач и дал какие-то указания медсестре.

- Янлин, я здесь, рядом, - сказал Юншэн. - Тебе помогут. Янлин, я люблю тебя, я тебе помогу, обещаю.

Его довольно технично отпихнули от каталки, которую повезли в здание клиники, и Юншэн только после этого почувствовал, что еле стоял на ногах. Руки сводило, перед глазами все плыло, но больше он волновался за то, что сейчас происходило с Янлин.

Янлин Чун

Машина остановилась, и Янлин поняла, что они приехали. Ее переложили на что-то твердое, кажется, на колесиках, и ей показалось, что она выглядит глупо, потому что она могла сидеть, зачем ее укладывать. И она сразу почувствовала себя очень сильно больной, как будто она попала в какую-нибудь аварию и теперь не может двигаться, поэтому ее надо аккуратно укладывать везде, где только можно. Это чувство ей не понравилось.

- Чун Янлин, - кто-то спросил ее имя, потом назвался доктором Цинем, но для Янлин вся толпа мельтешивших перед ней людей была все равно, что какими-то синими размазанными пятнами, и она не смогла разобрать, кто из этих пятен будет Цинем дайфу. Оказавшись среди врачей, да еще и без руки Юншэна на своем запястье, Янлин занервничала и начала крутить головой, как будто хотела найти парня взглядом, но, конечно же, не увидела его. Почти тут же она почувствовала как начало щипать и саднить лицо.

Она снова взметнула руки к лицу, но их тут же опустили обратно, не дав ей коснуться саднящей с каждой секундой все сильнее коже. Она услышала, что говорил ей Юншэн откуда-то сбоку, но ничуть не успокоилась.

- Папа? - спросила она в пустоту, затем поняла, что осталась одна в компании синих пятен, которые наверняка были врачами этой клиники.

Мао Чун

Живодер отвел Кота чуть в сторону, и тому оставалось лишь смотреть на трогательную сцену, как от Янлин оттаскивали Юншэна. Кот услышал, как дочь его позвала, но промолчал, потому что между ними уже закрылась дверь.

- Когда её можно будет забрать домой? - спросил Гунмао у Сина.

- Я не могу сказать, давай сначала посмотрим? - ответил Живодер. - У неё может развиться шок, у неё могут отказать почки, давай мы поработаем, и я буду держать тебя в курсе?

- Позвони мне, когда что-нибудь будет известно, - кивнул ему Гунмао.

Син кивнул тому в ответ, мельком взглянул на Юншэна и ушел в здание клиники. Кот закурил и пошел к машине.

- Юншэн, садись, я тебя подвезу, - сказал он Лю-младшему. - Я скажу, когда ты сможешь её навестить.
